

Рецензия • Review

Н. В. Радишаускайте

Некнижная история книги от Юлии Щербиной

Радишаускайте Наталья Витаутовна

Дальневосточная государственная научная библиотека,
ул. Муравьева-Амурского, 1/72, Хабаровск, 680000, Россия,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-4479-2869
e-mail: red-dvgnb@mail.ru

N. V. Radishauskaite

Non-book history of book by Julia Shcherbinina

Radishauskaite Natalya V.

Far Eastern State Scientific Library,
Muravyov-Amursky Str., 1/72, Khabarovsk, 680000, Russia,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
ORCID: 0000-0002-4479-2869
e-mail: red-dvgnb@mail.ru

Рецензия на монографию: Щербина Ю. В. Книга как иллюзия : Тайники, лжебиблиотеки, арт-объекты. Москва : Альпина нон-фикшн, 2023. 384 с.

Book review: Shcherbinina Yu. V. The book as an illusion: Caches, false libraries, art objects. Moscow: Alpina non-fiction, 2023. 384 p.

В издательстве «Альпина нон-фикшн» вышла монография Юлии Щербиной «Книга как иллюзия». Автор – филолог и педагог – много лет занимается изучением книжной культуры в современном и историческом аспектах. Новое исследование посвящено истории книги как материального объекта, как образа и как символа – воплощения учености, образованности, богатства.

В первых пяти главах книга предстает в качестве изображения – как самой себя, так и составного элемента какого-либо другого объекта. Эта часть повествования в большей степени философская: автор размышляет о «переосмыслении статуса и функционала книги» (с. 24) с течением времени: от «священного трепета» в Средневековье к «интимности» в Новое время, от уникального – к просто особому, от подлинного – к мнимому, иллюзорному (с. 26–29). И прежде всего речь ведется о картинах-обманках (trompe-l'œil) и натюрмортах-кводлибетах, на которых присутствовали образы книг. Ю. Щербина рассматривает само появление этих изображений и их популярность как возникновение «конкуренции

настоящего и нарисованного», начало борьбы «копий и подлинников» (с. 29). Сразу отметим, что текст насыщен терминами из области искусствоведения и книжного дела, а также авторскими неологизмами (особенность стиля Ю. Щербининой), но все вводимые понятия сразу поясняются и у читателя нет необходимости углубляться в словари.

Создание аллегорических портретов при помощи образа книги (арчимбольдески) и встраивание этого образа в качестве элементов в профессиональные одеяния (гротескные костюмы), гиперреалистичное его воспроизведение на миссальных картинах – все эти и некоторые другие практики художественного «копирования» книги последовательно раскрываются автором, иллюстрируя основную идею. Идея заключается в том, что, начиная, по-видимому, со средневековья, книга утрачивает сакральность, «теряет статус уникального и особого предмета» (с. 54), превращается в обыденную вещь, которую при необходимости можно использовать не по назначению и целостность которой сохранять необязательно.

Настойчивость, с которой автор повторяет мысль об утрате книгой высшей ценности, о «выхолащивании, опустошении» (с. 107) ее образа, заставляет читателя осмыслить собственные представления о роли книги в истории и задуматься об их истинности. Действительно ли книга в Средневековье воспринималась в европейском обществе как что-то сакральное, священное? Точно ли, если такой феномен на самом деле имел место, он распространялся на книгу в целом, а не, например, только на религиозные манускрипты? Существовало ли столь же трепетное отношение, скажем, к спискам легенд о рыцарях Круглого стола? Все ли слои общества, в том числе и неграмотные, признавали «святость» книги как таковой?

Следующие шесть глав рассказывают уже преимущественно о вещественной стороне перевоплощения книги. Речь идет как о разных способах использования самих изданий, так и о предметах, внешне их копирующих, и о книжных муляжах. Автор показывает, как люди находили разнообразные варианты «внекнижного» применения произведений печати. Некоторые из них сохраняются до сих пор (например, изготовление из книжного тома тайника), а некоторые появились совсем недавно.

Несколько параграфов посвящено истории книги или ее фрагментов как предмета для украшения интерьера: здесь читатель встречается с «фальшбуками» и «фальшбиблиотеками», муляжами и бутафорскими изданиями, вырезанными из книг иллюстрациями на стенах и имитациями книжных корешков за стеклами шкафов (с. 242–263).

Не забыла автор и предметы в форме книг (шкатулки, жестяные банки, ювелирные украшения,

канцелярские принадлежности и проч.) или оформленные «под книгу» («книжные туалеты», с. 295–296). Отдельно рассматривается «использование книг в утилитарных целях»: в качестве подставок, топлива, расходных материалов при изготовлении одежды, предметов обихода и даже мебели, а также для папильоток, самокруток, обертки и оклейки.

Современные «утилитарии» нашли и другие варианты «эксплуатации предметной составляющей книги» (с. 335): создание из печатных изданий арт-объектов. Это явление получило на Западе название «альтербукинг», и ему в исследовании Ю. Щербининой отведена последняя, одиннадцатая глава. В ней автор рассматривает резьбу по книге (или, в авторской версии, буккарвинг), букфолдинг и квиллинг (соответственно, складывание или скручивание страниц издания для создания объемных объектов), рисование на книжном развороте или на «полотне» из сложенных стопками книг и другие техники. В заключение главы и в целом своего труда Ю. Щербинина размышляет о нравственных аспектах альтербукинга, который приводит к порче, уничтожению изданий. Автор четко формулирует свое неприятие подобного обращения с книгой и побуждает читателя к размышлению, на чьей он стороне.

Тема исследования нова для отечественного книговедения, при чтении чувствуется увлеченность автора, ее желание показать как можно больше своих находок и открытий. Тем досаднее разные неточности, которые встречаются в повествовании достаточно часто. Приведем несколько примеров.

Рассказывая об истоках грэйнджеризма как части книжной культуры *середины XVIII–XIX столетия*, автор упоминает, что «в то время печатные издания выпускались в основном без переплета и начинались с чистого листа» (с. 57) из-за чего в обиходе их якобы называли «книги в белом». Однако европейские издания уже в конце XVII в. выходили в слепых обложках из цветной бумаги¹, а к концу XVIII в. появилась и обложка наборная (Дубина, 2005). Использование же белых листов в качестве защитного покрова скорее характерно для раннепечатных книг, то есть XV–XVI вв.

И это не единственное подобное несоответствие. Описывая по гравюре книжные стеллажи в палатце Ф. Императора в XVI в., Ю. Щербинина отмечает, что их полки «были сконструированы таким образом, чтобы книги размещались обрезами вниз – для защиты от пыли» (с. 175). Но изучив рисунок, можно увидеть, что на изображенных на нем стеллажах лишь на двух полках книги поставлены корешками вверх. На большинстве же полок тома

¹ Judging a Book by Its Cover // Lapham's Quarterly. 2020. August 03. URL: <https://www.laphamsquarterly.org/roundtable/judging-book-its-cover> (дата обращения: 01.09.2023).

лежат стопками (что было обычным, насколько нам известно, способом хранения в то время), а некоторые поставлены привычным нам образом, только обрезом наружу. И полки во всех случаях абсолютно одинаковы. Утверждение автора, на наш взгляд, требует обоснования или ссылки на иной источник, помимо гравюры.

В главе о библиотайниках привлекает внимание глубоко загадочное утверждение: «Со временем тайники все чаще стали делать из настоящих томов. <...> Если переплетные крышки были деревянными, то их приходилось нещадно ломать, чтобы вытащить книжный блок» (с. 206). Чтобы отделить блок от переплета, нужно всего лишь разрезать форзацы по сгибам и перерезать элементы крепления одного к другому – ремни или шнуры. И ломка крышек, деревянных или картонных, никак не поможет в решении этой задачи.

Еще одно невероятное описание книжных тайников дано в параграфе «Вершки и корешки». Здесь Ю. Щербинина пишет, что в корешках переплетов часто прятали манускрипты: «Древнюю рукопись скручивали трубочкой и аккуратно размещали вдоль корешка с внутренней стороны» (с. 214). Чтобы понять, насколько это неправдоподобно, достаточно рассмотреть любую книгу в переплете. Пустота между корешком переплета и блока имеет совсем не тот объем, который позволил бы поместить туда больше пары-тройки бумажных или пергаменных листов.

Автор в качестве примера такого тайника приводит находку в 2003 г. еврейских «рукописей XIV–XV веков... в корешках старинных фолиантов», хранящихся в Историческом архиве Жироны (с. 214). Здесь слабое представление автора о переплетных процессах наложилось на некомпетентность журналистов и плохой перевод. Вероятно, при описании жироной находки Ю. Щербинина опиралась на русскоязычные новостные заметки², которые использовали именно такие выражения. Обращение к публикациям на английском языке позволяет прояснить ситуацию. Итальянский исследователь М. Перани, посвятивший годы изучению найденных документов, неизменно пишет о «средневековых еврейских рукописях, повторно использованных для [изготовления] переплетов» (Perani, 2010, с. 137).

В старину европейские и русские переплетчики в работе употребляли исписанную бумагу и даже пергамен: ненужные документы, письма, пришедшие в негодность рукописи, а позднее – и печатные издания. В Европе из такого «вторсырья» долгое время делали сторонки переплетных

крышек (склеивали целые листы или кусочки в несколько слоев, чтобы получился плотный «картон»), а исписанные только с одной стороны листы шли еще и на оклейку переплета, и на форзацы. Именно поэтому реставраторами было обнаружено и до сих пор обнаруживается большое количество фрагментов самых разных сочинений, как не дошедших до нас в другом виде, так и давно известных, а также разного рода деловых, официальных и личных бумаг. Интересные статьи на эту тему написали американский библиотечный Ф. Глейз (Glaze, 1998) и израильский ученый С. Эмануэль (Emanuel, 2019).

Все другие примеры подобных «тайников», приводимые Ю. Щербининой (см. о каталоге Б. Куорича и рассказе Э. Кваккеля на с. 214–215) также ошибочны – и по той же причине.

В некоторых местах в тексте, по-видимому, опущена часть информации, так что в результате получились странные утверждения, например: «Ненужные тома превращали в библиотечные подставки и держатели: из переплета извлекали бумажный блок и заполняли получившийся короб песком для тяжести» (с. 303). Вам известна конструкция переплета в виде короба, который можно заполнить чем бы то ни было? Столь же удивительно заявление, что «Аллан Рамзи писал стихи на невыносимом для американского уха шотландском диалекте» (с. 298). Рассуждать о «невыносимости для уха» печатного текста (а речь в тексте идет об изданиях) алогично. И тому, что американцы – не англичане! – терпеть не могут шотландский вариант английского, нам подтверждения найти не удалось. Хотелось бы познакомиться с аргументацией автора по этому вопросу.

Спорным или по крайней мере неполным представляется утверждение Ю. Щербининой о том, что «библиофилия превозносит предметную, вещную сторону книги и обслуживается практиками, акцентирующими ее внешнюю красоту, эстетическую привлекательность» (с. 114). На самом деле здесь описаны лишь две из многочисленных граней этого увлечения. Для множества библиофилов внешняя привлекательность (не сохранность, а именно оформление) тома не имеет существенного значения: важен автор, время создания, история бытования и т. д. Если вспоминать собирателей дореволюционных, то ни графы Н. П. Румянцев или М. Р. Воронцов, ни А. Д. Чертков или Н. П. Лихачев, ни многие другие при составлении своих библиотек не гнались за уникальностью книги чисто в материальном ее воплощении (Берков, 1967, с. 115–116).

В книге также встречается неверное описание техники интарсии, которая перепутана с маркетри (с. 231), ошибочное определение дублюры (с. 252, 371), буквальные переводы английских

² См., например: Обнаружено самое большое в Европе собрание еврейских рукописей // РИА Новости : сайт. 17.03.2003. URL: <https://ria.ru/20030317/348452.html> (дата обращения: 31.08.2023).

терминов и фраз, а также транскрибирование и транслитерирование отдельных терминов вместо употребления русских аналогов (например, букенд, буккарвинг, эмбоссинг и др.) и некорректная замена терминологии (например, выражение «текстовый блок» по отношению к книжному блоку или бытовое «твердая обложка» вместо профессионального «переплет»).

При всей неординарности темы, множество приводимых фактов и философской составляющей, довольно многочисленные мелкие неточности мешают чтению, создают впечатление некоторой небрежности. На наш взгляд, перед изданием стоило бы привлечь к работе над текстом книговеда (или реставратора, или переплетчика), хорошо знакомого с историей, терминологией и технологией переплетного дела.

Зато подбор иллюстраций – одна из сильнейших сторон издания. Практически все описываемые факты и примеры проиллюстрированы как минимум одним изображением, для некоторых нужные

элементы даны в увеличении, чтобы можно было подробно рассмотреть предмет, о котором идет речь. Без такого визуального пояснения понимание текста давалось бы гораздо сложнее, так как речь идет зачастую о не встречающихся или редко встречающихся в современной жизни явлениях. Прделанная автором в этом отношении работа огромна и достойна особого внимания.

И конечно, следует отметить великолепное качество самого издания. Замечательный дизайн: широкие поля, много «воздуха» на страницах, превосходная «читаемость» текста за счет соблюдения всех принципов типографики, приглушенные цвета иллюстраций и оформления, создающие впечатление старины. Плотная белая бумага, великолепная цветопередача и четкость изображений, прекрасно исполненный переплет. Книгу приятно читать и рассматривать, и она будет чудесным дополнением для библиотек всех, кого интересует история книги как предмета материальной культуры.

Для цитирования: Радишаускайте Н. В. Некнижная история книги от Юлии Щербининой (рецензия на монографию: Щербинина Ю. В. Книга как иллюзия : Тайники, лжебиблиотеки, арт-объекты. Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. 384 с.) // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 1. С. 65–68. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-1-7>.

Citation: Radishauskaite N. V. Non-book history of book by Julia Shcherbinina (Book review: Shcherbinina Yu. V. The book as an illusion: Caches, false libraries, art objects. Moscow: Alpina non-fiction, 2023. 384 p.) // Book. Reading. Media. 2024. Vol. 2 No. 1. P. 65–68. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-1-7>.

Список источников / References

Берков П. Н. Русские книголюбцы. Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1967. 316 с. [Berkov PN (1967) Russian book lovers. Moscow, Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.)].

Дубина Н. Русская обложка XVIII–XIX века // КомпьюАрт. 2005. № 10. С. 82–86 [Dubina N (2005) Russian book cover of the 18th–19th century. *Komp'yutArt* 10: 82–86. (In Russ.)]. URL: <https://compuart.ru/article/14511> (дата обращения = accessed 18.10.2023).

Emanuel S (2019) The European Genizah: its character and the history of its study. *Materia Giudaica* 24: 587–624.

Glaze FE (1998) Hidden for all to see: Duke's medieval and early modern manuscript fragments. *Duke University Libraries* 12 (1): 2–7.

Perani M (2010) The “Gerona Genizah”: an overview and a rediscovered Ketubah of 1377. *Hispania Judaica Bulletin* 7: 137–173.